

Рина Шеллер

Месть

Любовь подчас бывает
скоротечной,
Но ненависть способна
длиться вечно.

Байрон, «Дон Жуан»

Казалось, мгла не хотела рассеиваться, рассвет, как бедный родственник стоял и дожидался у двери повелительницы ночи, чтобы, наконец, занять её место. За окном сквозь ночной синий туман пробивался робкий лимонный лучик.

Улица текла неспешной снежно-серой кашей, которая покрывала собой всё: и асфальт, и лужайки, напоминающие грязный пол, на котором валялся всякий мусор. Машины, проезжавшие по автотрассе, непременно забрызгивали серыми комьями проходящих мимо людей. Улица, на которой когда-то располагался целый промышленный комплекс и звук металла был неизменным фоном, теперь стала местом обитания людей, которые не так давно выбились в люди, но ещё не имеющие всех атрибутов успешной жизни:

дорогого авто, двухэтажного домика и годовичного абонеента в модном фитнесс-клубе. Как известно, совсем недавно стало модным вести здоровый образ жизни, и люди более чем обеспеченные старались не упустить возможность лишний раз продемонстрировать своё богатство.

Именно на этой улице среди других новостроек среднего класса, имевших крышу цвета перезрелой вишни, в одной из квартир мучилась ночным кошмаром молодая женщина, Светлана Суркова.

Ей снился сон: она тонет в ванной, заполненной кровью. Всеми силами она пытается выбраться из этого густого кровавого потока, но словно чьи-то руки крепко схватили её за голову и пытаются вдавить обратно. Наконец, из ванной всплывает белая рубашка, рубашка её мужа, и женщина истошно кричит.

Светлана закричала и подскочила. Пот градом стекал с её лица, и она немедленно осмотрелась по сторонам, словно стараясь убедиться, что это всего лишь сон, страшный кошмар, который в последнее время к ней зачастил. Она взглянула на кровать, которая была вся смята, а простыня оказалась на полу. Светлана с жуткой болью во всём теле поднялась и прошла к своему зеркалу, длинному, стилизованному под старину, которое она купила себе на день рождения. Это зеркало она любила,

хотя в последнюю неделю с ужасом отмечала, что зеркало фиксирует, как счётчик, все изменения, происходившие с ней. Куда девалась молодая двадцативосьмилетняя женщина с ярким цветом лица, с блестящими голубыми глазами и копной ярких здоровых рыжих волос? На её месте появилась тощая дама неопределённого возраста, с осунувшимся лицом и выпирающими ключицами. Волосы, засаленные, словно покрытые пылью, безжизненно свисали по плечам, и у Светланы мелькнула мысль, а не пора ли, наконец, помыться и вообще заняться насущными бытовыми проблемами. Голубые глаза в зеркале беспомощно вспыхнули, словно не ожидали от неё такого кощунства. Но женщина сделала глубокий вдох (так, кажется, советуют во всех научных и ненаучных тренингах: «Сделайте вдох, и ваши проблемы вас покинут»).

Светлана прошла в ванную и с опаской взглянула в ванну, словно ожидая увидеть неожиданно появившуюся окровавленную рубашку мужа. Вся проблема заключалась в том, что рубашка действительно была, она была кипенно-белой, а на воротничке расплзлось отвратительное кровавое пятно. Но сейчас эта рубашка находилась в милиции, эти тупоголовые следователи заверяли её, что, конечно, это может быть уликой, однако доказательств маловато.

Светлана накинула на плечи синий халат Андрея, ополоснула уставшее лицо и безнадежно махнула рукой на невымытые волосы. Помоем позже, всё равно сейчас её жизнь — это бесконечная череда ожидания.

Суркова направилась на кухню, судорожно пытаясь вспомнить, когда она по-человечески ела в последний раз и есть ли вообще что-нибудь в холодильнике. В холодильнике, маленьком, компактном, встроенном в стену, оказался всего лишь явно просроченный творог, издающий неприятный кислый запах, и пара яиц, сиротливо примостившиеся в чашке. В принципе, здесь ничего удивительного нет. В последнее время она питалась исключительно кофе и сигаретами, и Снежанна пару раз приготовила ей что-то вроде омлета.

Светлана приготовилась закурить, но сигареты предательски закончились, а так не хотелось в такую рань тащиться в круглосуточный супермаркет, который находится в двух минутах ходьбы от дома. Недолго думая, Суркова решила выпить чашечку бодрящего кофе, сваренного по всем правилам, а не ту жидкую бурду, которую она хлестала в последнее время, даже не ощущая вкуса и аромата. Пока закипал чайник, Света окунулась в воспоминания. Не так давно она и Андрей сидели здесь вдвоём и с удовольствием уминали сосиски, пельмени, бутерброды, готовые котлеты и другой

ассортимент занятых работой людей. Смеялись, делились планами на завтра, наспех целовались и уезжали вместе на работу. Тут Свете в голову пришла нелепая мысль: зачем целоваться на прощанье, если они работали в одном издании, единственное, что их разделяло — это кабинет и деловая журналистская этика? Хотя какая может быть этика у журналистов?

* * *

Андрей лёг на Свету, чувствуя, что всё её тело покрывается испариной, становится горячее-липким, как горячая шоколадная масса. Ему доставляло удовольствие играть: он играл языком с её животиком, ласкал её груди, обнимал и облизывал. Что больше он любил в постели — это игру. Она всегда менялась: то была дикой и необузданной, когда оба сгорали от страсти и нетерпения, и любое прикосновение друг друга становилось непереносимой мукой. В такие моменты Светлана чувствовала, что Андрей начинает её кусать, и с каждым разом укусы становились всё сильнее и больнее.

Кровь сочилась из её шеи, гематомы покрывали руки и грудь, и это сладко-щемящее чувство сливалось с его улыбкой, с его дикой ненасытностью, он брал свою жену всегда так,

словно это было в последний раз. Ласки длились часами, из их ртов доносились бессвязные стоны, напоминающие стоны животных.

Андрей резким движением перевернул Свету на живот, провёл сильной рукой по мокрым волосам и сладострастно улыбнулся. Ему нравилось во время занятий любовью высовывать кончик своего язычка, которым он цокал, и от этого выражение его лица напоминало морду блудливого кота, который познал толк в Камасутре. Света застонала, когда он стал покрывать рваными поцелуями её спину. Женщина старалась выгнуть спину, но он неумолимо прижимал её своим телом к постели. Нет, он не просто прижимал, он вдавливал её, словно старался войти всё глубже. Его естество искало то место, где была сосредоточена наисильнейшая боль.

Светлана истошно закричала, а руки мужа продолжали ласкать её, смиряя и подчиняя себе. Поцелуи становились всё более глубокими. Он выпускал лёгкие стоны, пот градом катился по его красивому лицу, улыбка становилась всё более раскованной. В такие минуты близость становилась для них обоих наивысшей точкой наслаждения, грубость казалась манящей, а страсть сметала нежные прикосновения, как ураган...

* * *

Казалось, всё было замечательно, у них всё было хорошо, они любили друг друга, хотя без разногласий никак не могли. Что поделаться, оба они сложные люди, со всякими, как принято сейчас говорить, заморочками. Проблема у них всегда была одна — никто не хотел быть вторым, но так уж получалось, что Света была, как она считала, более удачливым журналистом, а Андрею не всегда везло.

Делая глоток за глотком, она вспомнила их первую встречу, три года назад. Один известный политик N. сильно проштрафился пару раз. Казалось, ничего удивительного нет в том, что политики живут на широкую ногу, ездят на хороших машинах и усердно изображают из себя «слуг народа», однако чем более усердно изображал из себя этот политик вышеупомянутого слугу, тем больше денег утекало из городской казны. В конце концов всё кончилось сначала сексуальным скандалом (политик был равнодушен к радостям банного секса с несовершеннолетними нимфетками), а потом и финансовым. Политик оказался политическим банкротом, и это поняли все, кроме него. Тут же герой начал позиционировать себя как борец за поправную справедливость, выдающийся общественный деятель, и даже супруга, перестав кусать коготки

после мужниной измены, принялась усиленно ему помогать.

Следующим их совместным проектом, учитывая безуспешный опыт прочих попыток вернуть себе расположение народа, стало учреждение фонда помощи вернувшимся из эмиграции антисоветским писателям. Ни для кого не секрет, что если хочешь поднять лицо, необходимо помогать несправедливо обиженным творческим деятелем.

Идея была актуальна ещё и тем, что вернулся из длительной американской опалы обласканный младореформаторами престарелый классик антисоветской направленности. Александр Павлович Кормилицын в позднесоветское время олицетворял собой целую легенду, был человеком, который боролся с советской властью, и в конце концов был вынужден удалиться в тяжёлую эмиграцию. Его возвращение было отмечено пресловутым фондом со всей помпезностью. Шаблон проведения таких мероприятий был хорошо знаком журналистам. Позвали кучу журналистов, доставили кучу выпивки, пригласили парочку авторитетных публичных людей, а гвоздь программы венчал собой данное мероприятие. Однако Светлана, которая была делегирована от «Полити», успела навести справки о борце за справедливость.

Собственно говоря, даже вид этого подтянутого семидесятилетнего старца с православной серебряной бородкой, которая хорошо оттеняла калифорнийский загар, заставлял всерьёз задаться вопросом: «а так ли была тягостна его ссылка?» Кормилицын был тем нередким персонажем в русской элитной действительности, который сумел извлечь по максимуму выгоды из политического противостояния США и СССР. Убежав в Штаты, он сразу стал мифом, ему помогали и покровительствовали. Результатом тяжёлой ссылки вдали от Родины стали квартирка на Манхэттене, горный домик где-то в северном штате и солидный счёт в банке.

Да и странно становилось при мысли, что же несчастный страдалец сразу не ринулся в родную страну после путча, а подождал ещё с десятков лет? Дело было до боли банальным: просто господин Кормилицын сумел засветиться в чёрном списке налогоплательщиков США, которые известны своей дотошностью, когда речь заходит о «левых» доходах. И господин писатель решил вернуться в обновлённую, лояльную ко всяческим махинациям Родину, чтобы продолжить безбедно жить, да ещё в почёте и уважении.

Светлане удавалось с трудом удержать при себе улыбку, когда она слушала, с каким проникновенным видом господин Кормилицын

рассказывал о своих произведениях и о том, как он счастлив вновь оказаться здесь, и т. д. и т. п.

— Вам не кажется, что это неприлично: хихикать, когда этот старпер несёт свою ахинею? — услышала Светлана за своей спиной приятный хрипловатый голос.

Она обернулась и почувствовала, как стеклянная ножка бокала становится липкой.

Перед ней стоял суперобаятельный, молодой человек, роста чуть выше среднего, крепкого телосложения, что подчёркивал красивый светло-оливковый свитер и тёмные джинсы. Чёрные, почти смоляные волосы коротко подстрижены, а на смуглом лице выделялись яркие зелёные глаза в обрамлении чёрных густых ресниц. Будь в нём побольше слащавости, он бы вполне сошёл за какой-нибудь секс-символ. Однако мужественное лицо и приятная ненавязчивая улыбка говорили о другом.

Как и любая женщина, в этот момент Суркова подумала о том, что, слава Тебе Господи, она оделась прилично на это мероприятие. Коктейльное чёрное платье хорошо подчёркивало стройную фигуру, а рыжие волосы были распущены по плечам. Конечно, она неплохо выделялась на фоне других журналисток, которые считают, что джинсы и кеды — это единственная одежда для женщины.

— Неужели вы журналистка? — широко

улыбнулся незнакомец. — Быть того не может, я-то уж решил, что вы новая звезда отечественной сцены, думал, пойду возьму интервью у единственного стоящего человека...

— Как вам не стыдно так отзываться о великом даровании отечественной литературы? — подыграла ему Суркова.

— А литература об этом знает? Когда я пробовал прочитать один его рассказ, он меня убаюкал лучше, чем бабушка в детстве.

Светлана приснула, но тут же спохватилась и закрыла рот ладошкой.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Андрей Градский. Я тружусь в «Жёлтом листке». Скажите честно, я произвёл на вас впечатление? — и молодой человек дурашливо изобразил высокопарную улыбку.

— Откровенно говоря, единственное, где есть достоверная информация в вашей газете, так это в её названии.

— Я в принципе тоже так считаю, но время сейчас, извините за каламбур, собачье. Особо развернуться негде. Вот и приходится батрачить на эту бульварную газетенку, брать интервью у полуспившихся звёзд и таскаться по подобным местам. Одно хорошо: можно всегда бесплатно выпить, а вот сегодня вы буквально вернули мне веру в моё призвание — встретить вас, — и

Градский многозначительно улыбнулся. — только пока я даже не знаю имени столь очаровательного конкурента.

— Светлана Суркова из «Полити», — осанисто заявила молодая женщина.

— Ну всё, я просто повержен. Только признайтесь мне, Лана...

— Лана? Странное сокращение для моего имени, — заметила молодая женщина.

— Оно вам подходит, — медленно, словно пробуя на вкус каждое слово, произнёс Градский и глаза его остановились на чувственных губах Светланы. — Так вот, Лана, что же вы собираетесь написать о выдающемся современнике Кормилицыне?

Светлана негромко рассмеялась, однако какой-то журналист с давно немойтой патлатой шевелюрой тут же бросил на неё осуждающе цепкий взгляд.

— Вам действительно это интересно?

— Ну, как вам сказать, просто я делаю робкую попытку пригласить вас в кафе.

— Вам не откажешь в изобретательности, — и она слегка пощупала Андрея взглядом. — И в кафе мы обсудим, каким способом можно разгромить имидж нашего борца за справедливость?

— А что тут обсуждать? Достаточно разместить вместе со статьёй выдержки из

заклучения налоговой полиции США. Ну, так что, идёте?

Светлане сразу понравился Андрей. Сидя в кафе за пирожными и молочным коктейлем, они болтали о всякой всячине, а потом Андрей галантно проехал несколько станций и проводил Свету до дома. Она пригласила его к себе, но тот лишь обаятельно улыбнулся и сказал, что спешить не стоит.

Наверное, он олицетворял собой исчезающий тип мужчины, который в первую очередь думает о желаниях женщины. У Светланы было много несостоявшихся мужчин, и каждый из них представлял собой нечто сугубо отрицательное. Когда-то в ранней юности девушка хотела выйти замуж за молодого человека, который поразил её своим обхождением и шармом. Но закончилось всё слишком быстро, красивый роман со вздохами и поцелуями под луной вылился в умопомрачительный скандал со всевозможными оскорблениями в её адрес и её горькими рыданиями. В тот момент Света чувствовала себя непостижимо одинокой. Но впоследствии, встречаясь с другими молодыми людьми, она убедилась, что так бывает у всех, ну, или почти у всех.

Словом, сложно умной и приятной девушке жить в мире солдафонов и охотниками за

женщинами. Работа была едва ли не единственным увлечением в жизни Светланы. Как говорил её шеф, главный редактор и владелец «Полити», она была журналистом от Бога.

...Интересный всё-таки персонаж, этот Борисов Алексей Петрович, которого все за глаза называли просто Лёхой, и, как ни странно, это ему подходило больше. Сын чиновника и бизнесмена, он доказал, что в нашем неустойчивом обществе только две вещи играют первые роли — деньги и беспардонная уверенность в себе. И первого, и второго у Борисова хватало. Когда Светлана в первый раз увидела его, ей стало немного не по себе: перед ней вырос человек, чья внешность могла одинаково хорошо подходить и как обычному работяге с окраин, и блатному бандиту. Высокий, плотный, он носил костюмы строгие, тёмных тонов, и все были уверены на сто процентов, что их он ненавидит ничуть не меньше, чем налоговую инспекцию.

На планёрках Алексей постоянно дёргал шейю, пытаясь ослабить тугую воротничок, и производил впечатление быка, который всеми силами сбрасывает с себя ненужную вещь. При этом его и без того румяное лицо краснело, и это создавало умопомрачительный контраст с серо-стальными глазами и коротким ёжиком льяных волос.

Вообще, он сразу всем заявил, что «ни хрена

не смыслит в журналистике», что в принципе объяснялось достаточно просто: Алексей Петрович закончил экономический факультет и если что и мог делать абсолютно восхитительно, так это деньги. Связи отца, его собственные полукриминальные контакты помогли ему в достаточно короткий срок найти хороших рекламодателей. Как превосходный управленец, Лёха на пять знал самое важное правило в бизнесе: найди специалистов и делай на этом деньги.

Лёха действительно обладал талантом находить тех, кто мог хорошо писать, а самое главное — разнюхивать, выслеживать, словом, делать всё то, что необходимо хорошему журналисту. Во время предвыборной кампании, по науськиванию папы он собрал неплохой компромат на пару политических противников, в результате чего приобрёл для «Полити» широкую известность, а папа смог избавиться от докучливых конкурентов.

Таким образом, шаг за шагом, «Полити» превращалась в серьёзное коммерчески выгодное издание, журналисты всё больше стали работать на заказ. Необходимо было изобличать «плохих мерзавцев» и поддерживать шансы «хороших мерзавцев». Однако надо было отдавать должное тому, что «утка» была не в чести у «Полити», собирались только проверенные факты.

Так что платили в журнале более чем хорошо.

Светлана сразу после знакомства с Андреем поняла, что «Жёлтый листок» губит его творческие планы и нивелирует как журналиста. Находясь у него в квартире, она как-то наткнулась на большие толстые тетрадки и, прочитав несколько страниц, была потрясена: оказывается, Андрей очень хорошо пишет.

— Почему ты не говорил, что пишешь? — спросила она, когда он выходил из ванной, обмотанный полотенцем.

— А кому это надо? Так, знаешь, ли, пером балуюсь. Ничего особенного, просто графоманство.

— Но ты пишешь хорошо, у тебя есть талант, — горячо запротестовала Светлана.

— Ну, да, — съязвил Андрей, — только пойді объясни это издателям. Ты, наверное, представляешь, как относятся к журналистам, которые начинают баловаться прозой. Мне в некоторых местах объяснили, что я далеко не Бальзак. После этого не особенно хочется ходить по издательствам.

— А если я тебе помогу? — через какое-то время спросила Светлана и внимательно посмотрела на Градского.

Лицо его окаменело, и он несколько сильнее обычного сжал её руку.

— Солнышко, не делай этого. Я понимаю, ты хочешь помочь, и благодарен тебе за это. Но я не

могу позволить женщине крутить за меня рулетку.

— Но если у меня есть возможность тебе помочь, то почему ты отказываешься?

— Я тебе уже всё объяснил. — И зелёные глаза вспыхнули каким-то холодным огнём.

— Я думаю, ты мог хотя бы разместить свои рассказы в Интернете, — отвлечённо заметила Света и обвила его шею руками.

— Это, пожалуй, можно, — согласился Андрей и чмокнул её в глаз.

— Ты знаешь, шеф собирается увольнять одного нашего собкора, — уже в другой раз сказала Светлана.

— Чем же провинился этот смертный? — с усмешкой спросил Градский. — Забыл упасть ниц перед великим ликом Алексея Петровича?

— Ты не слишком-то высокого мнения о моём шефе? — с недовольным выражением лица заметила Света и отхлебнула кофе.

— Он чертовски везучий сукин сын, а я, как самосовершенствующийся неудачник, просто не могу ему это простить.

— Не надо сарказма, — холодно сказала Суркова.

— Это не сарказм, это горькая констатация факта. Так всё-таки, Ланочка, что натворил собкор?

— Ему поручили дело об одном общественном деятеле, который, по слухам имел

подпольный игорный бизнес. Когда Ванечка наскрёб необходимую информацию, он не пошёл, как положено хорошему мальчику в кабинет главного редактора, чтобы обсудить материал, а очень быстренько нашёл лазейку к общественному деятелю и слил ему информацию, судя по всему за очень хорошие деньги. А шеф его накрыл.

— Карающая длань Великого инквизитора, — сделал риторическое заключение Градский и принялся за тосты с маслом. — Ну, освободилось у вас место, и что дальше?

— А дальше то, что Алексей хочет предложить тебе место собкора.

В комнате повисла тягучая пауза. Света внимательно изучала реакцию Градского, но потом не выдержала и затараторила.

— Андрюша, мне невыносимо видеть, как ты ходишь на эту так называемую работу. Ты ведь сам мне много раз говорил, что скоро потеряешь к себе уважение. «Жёлтый листок» — это тупик журналистской практики, ты сам это прекрасно понимаешь.

— Звучит как эпический заголовок. Значит, великий и могучий Алексей Петрович соблаговолил милостиво переговорить со мной. А не ты ли, милая барышня, просила его об этом?

— Он спросил, есть ли у меня на примете достойный журналист, и я предложила твою

кандидатуру, — Светлана с вызовом вскинула голову.

— И он, конечно, тут же захлопал в ладоши и сказал, что ждёт не дожждётся взять меня на работу.

— Я не понимаю, почему ты с таким негативом говоришь об Алексее? — Суркова вскочила со стула. — Да, он не подарок, но он знает, чего он хочет. И не надо унижать меня только потому, что я хочу тебе помочь...

— Лана, я не хочу тебя унижать. Но ты-то сама понимаешь, чего хочет Алексей? — и зелёные глаза вперились в разгорячённое лицо молодой женщины. — Я тебе скажу, чего он хочет. Тебя.

— Слушай, прекрати, это просто невыносимо слушать, — вскричала Суркова. — Я не понимаю, Андрей, почему, как только дело касается работы, ты начинаешь сходить с ума и говорить всякую ересь?

— Я, что же, по-твоему, слепой? Я помню, что у него чуть слюни не текли, когда он смотрел на тебя. — Он подошёл к ней и обнял её. — Ты ведь очень красивая, ты умная, ты успешная, а я... Я чувствую никем рядом с тобой.

— Это неправда. Но если ты не воспользуешься моим предложением, ты и в правду станешь никем.

На следующий день они вместе пошли в «Полити». После душных, провонявших дешёвым

табаком, клетушек «Жёлтого листка» «Полити» поражал своим размахом. Нет, здесь не чувствовалась показная роскошь, просто целый этаж, снятый под офисы, с широкими коридорами и просторными помещениями, где витал запах дорогих духов и профессионализма, подействовал на Андрея умиротворяюще. Офис главного редактора занимал огромное пространство, и сразу создавалось впечатление, что главный редактор знает толк в качественных вещах. Кожаная мебель, огромный стол из чёрного дерева, на стенах развешаны всевозможные награды в области журналистики. Тут же висели фотографии, где главный редактор снялся со своим коллективом, где Алексей пожимает руку влиятельным политикам и общественным деятелям.

На столе рядом с хрустальной пепельницей стояла фотография в рамке, на фотографии призывно улыбалась очень красивая блондинка с до неправдоподобия совершенным лицом. Эта фотография всегда задерживала на себе взгляды посетителей, потому что обворожительной красавицей с фривольной улыбкой была никто иная как известная на весь мир фотомоделль, обладательница всевозможных «мисс», а теперь ещё и актриса.

Эта фотография словно дополняла статус Алексея, который в дизайне своего кабинета

сформулировал одну-единственную мысль: он явный хозяин своей жизни.

Хотя злые языки утверждали, что фотография здесь помещена просто ради форсу, многие начинали по-другому смотреть на успешного владельца «Полити».

Когда Светлана вместе с Андреем вошли в офис шефа, Алексей Петрович комфортно разместился в шикарном кожаном кресле, курил приятно пахнущую сигару.

— Здравствуйте, Алексей, — улыбнулась Суркова. — Вот я и привела вам достойного кандидата на должность собкора.

Борисов неторопливо встал, неторопливо протянул руку для рукопожатия и так же неторопливо начал рассматривать Андрея. Его серо-стальные глаза буравили молодого человека насквозь, и хотя ленивая улыбка была на лице, в глазах стоял арктический холод.

— Очень приятно с вами познакомиться, — наконец, проговорил Борисов. — Светлана, оставь нас, мы должны переговорить с Андреем.

Когда за Светланой захлопнулась дверь, главный редактор сделал приглашающий жест в сторону удобного кресла и протянул сигары, но Андрей улыбкой отказался.

— Света говорила мне, что ты пока работаешь в «Жёлтом листке», как ты вообще туда попал?

— Я приехал из другого города, денег для московской жизни было мало, а жить хочется. Я ходил в разные издания, но никто не захотел брать новичка.

— А «Жёлтый листок» захотел? — подытожил Борисов и с лёгкой полуулыбкой взглянул на красивое уверенное лицо Градского. — Всё хотел узнать, там хоть хорошо платят?

— Не особенно, — Градский пожал плечами. — Я давно собирался уходить оттуда, но что-то мне не везло.

— Разве может не везти человеку, который встречается с такой женщиной как Светлана? Она говорила мне, что и рассказы ты пишешь неплохие, я не особенно-то хороший специалист в области литературы, но её мнению доверяю.

— Дело в том, — очень твёрдо сказал Андрей, — что Света сама предложила мне эту работу. Мне несколько неудобно, вы меня, наверное, понимаете?

— Мне бы тоже было бы неприятно, если бы моя девушка, — и серый взгляд приглашающее указал на фотографию желанной красавицы, — попыталась бы устроить меня на работу. Но, как ты сам понимаешь, из меня фотомодель особенно не выйдет. — И широко улыбнулся. Даже чересчур. И это покорило Андрея.

Вообще, весь их разговор носил характер

первого боя, когда соперники присматриваются друг к другу, осторожно вытанцовывают на ринге, стараясь прощупать друг друга, угадать слабое место и ударить, но перед этим помериться нервами. Показать свою выдержку. Так обычно происходит, когда оба соперники уверены в том, что бой будет затяжным, выматывающим, а потому необходимо пока только делать обманные движения. И ударить сильно только тогда, когда соперник по-настоящему откроется.

Когда Андрей выходил из просторного офиса теперь уже своего шефа, в нём засела какой-то малюсенькой иголкой мысль, что при первом же удобном случае главный редактор постарается уничтожить его. Андрей слишком часто встречал на себе подобные оценивающие мужские взгляды. Это взгляд самоуверенного самца, который не хочет пускать на свою территорию никого, да к тому же такого соперника. Рано или поздно Борисов попытается сместить его. Когда — вопрос достаточно туманный, но причина была на самой поверхности — Светлана.

Через месяц Градский и Суркова подали заявление а ЗАГС. А ещё через три месяца они отпраздновали довольно-таки пышную свадьбу: с гуляньями, с шумными застольными разговорам и практически всем «Полити». Как известно, журналисты — народ халявный, к тому же когда

женятся опять-таки свои. А своим Градский стал тут же. Красивый, остроумный, с потрясающими манерами и с безукоризненным вкусом в одежде, он сразу пришёлся всем по душе. Он явно был гораздо лучше, чем Ваня Резко, который к тому же оказался и стукачом.

Но самым приятным было то, что его прекрасная Светлана была теперь его. В длинном узком подвенечном платье, с собранными на голове рыжими локонами и с сияющими голубыми глазами, она была самой красивой женщиной в целом мире. Но Андрей чувствовал чувство удовлетворённого превосходства, когда видел, какими глазами смотрит на неё и на него Борисов.

Нет, конечно, главный редактор не был дураком и всегда мог делать хорошую мину при плохой игре. Именно поэтому он заявился на свадьбу со своей прекрасной блондинкой, подарил великолепный подарок и просто-таки рассыпался в комплиментах и пожеланиях долгих счастливых лет молодожёнам, но Андрей знал, кожей чувствовал, что в главном редакторе сейчас не то что кипит — бурлит ненависть к своему собкору.

А собкором Андрей был явно неплохим. Он выдавал на-гора отличный материал, и Борисов его хвалил, но как-то вяло, как хвалит учительница ученика, которого искренне считает дебилом, но тот продолжает упорно учиться. Через какое-то

время Борисов перестал его вообще замечать, словно всё устаканилось.

Вообще, настал хороший период для Градского. В интернете один издатель прочитал его рассказы и прислал приглашение побеседовать. Не чувствуя себя от радости, Андрей услышал, что издательство «Крот» собирается напечатать неплохим тиражом сборник его рассказов и выплатить приличный гонорар. В тот день молодой человек накупил шампанского, и они долго вместе со Светой отмечали этот поистине удивительный день.

* * *

Сложно сказать, что мужчины находили в Аксинье Филатовой. По современным меркам, она не являлась красавицей, да и сто лет назад не была бы эталоном. Часто она рассматривала себя в зеркале, размышляя, почему одни рождаются красивыми и несчастными, а другие — страшненькими, но счастливыми. Себя она причисляла к последним. Действительно, выросшая в хорошей любящей семье, где деньги никогда не имели значения, а служили лишь средством для достижения цели, она оценила хрустящие, пахнущие типографской краской разноцветные купюры по достоинству.

Она обожала деньги, связи отца и его авторитет. Именно это трио спасло молодую девушку от огорчения и разочарования жизнью. И действительно, некрасивая девушка мечтала тайком поступить не в театральный, не в юридический, не в экономический институт. Хотя её смекалка позволила освоить любую из этих профессий. Нет, честолюбивой Аксинье грезилось быть теледивой, телевизионным репортёром. Каждый вечер в своей комнате она с упоением, к которому примешивалась болезненная зависть, смотрела на Ольгу Адрейченко, диктора центрального канала. Аксинье импонировала стройная как кипарис, с лучезарными голубыми глазами молодая сексапильная шатенка. Её голос будоражил Филатову, заставлял её ощущать сладчайший поток, который скользил по её юному телу.

В такие минуты девушка и любила телезвезду, и ненавидела всей душой. После новостей семнадцатилетняя девушка бежала к огромному, во весь рост, зеркалу и начинала себя разглядывать. Какие шансы стать диктором или телерепортёром у девушки, чей рост едва дотянул до метра пятидесяти трёх, фигура напоминала бочку, и даже жировые складки приходилось скрывать под балахонистыми платьями? Длинные светлые волосы обрамляли толстое рыхлое лицо, на котором светились ненавистью ко всему миру

тёмно-голубые глаза, причём правый глаз был безнадёжно косым. Не помогало ничего: ни специальные упражнения для устранения косоглазия, ни травки, ничего.

В первый раз в жизни в семнадцать лет Аксинья покрасила волосы в красный цвет и вечером за ужином заявила родителям, что хочет быть журналистом, а, точнее, телерепортёром. Всё это было сказано тоном, который не допускал никаких возражений.

И девушка пошла учиться на телерепортёра. В первый же день она заявила в обтягивающей леопардовой юбке, полурастёгнутой кружевной блузке. На неё смотрели все эти длинноногие тонкокостные блондинки и брюнетки со своими анорексичными телами. Во взглядах было и удивление, и презрение — словом, всё то, что окружало Аксинью вне дома. Она привыкла к таким взглядам. Но сюда она пришла, чтобы доказать, что мужчины будут сами к ней липнуть.

Любовников у неё стало много: она вела себя ненасытно, жадно предаваясь ласкам. К окончанию своего обучения она уже получила приглашение от одной телекомпании, где заинтересовались таким необычным телерепортёром. Все дни Филатова проводила на работе, а ночи — с любовниками, которые напоминали ей еду быстрого

приготовления: быстро, дёшево, вкусно и общественно неприемлемо. Почти как продукция Макдональдса.

Когда в её жизни появился Её Любовник, она помнила очень отчётливо, словно с тех пор прошло не пять лет, а пять минут. Он ей нравился, он её заводил, в нём было что-то, что заставляло её ожидать с трепетом во всём теле его звонка, не выдерживать и звонить самой. Умолять приехать к ней, соглашаться на любое его унижение, помогаться его тела и радоваться всему, как школьница после первого поцелуя.

Филатова знала, что хочет его. Любовник был таким, каким он являлся ей во снах, а просыпалась она со стонами. Ей уже были не нужны все остальные мужчины, которые теперь казались ей приторными и однообразными, а Любовник мог доставить ей огромное удовольствие. И она его ждала.

Аксинья заставила родителей купить ей отдельную квартиру, которую она превратила в логово их животной страсти. В такие моменты близости ей было наплевать на то, что у него другие, на то, что он женат, ведь Любовник принадлежал ей. Она знала каждую чёрточку на его лице, каждый сантиметр его тела, разговоры с ним доставляли ей почти физическое удовольствие. Иногда она не знала, чего она хочет больше: секса

или его самого.

* * *

Света потянулась машинально за сигаретой, но потом вспомнила, что их нет. Она почувствовала, как к горлу подходит тошнота, живот стал разрываться от боли, и она ринулась в ванную. Несколько минут её тело судорожно извергало из себя желудочный сок. Светлана чувствовала, как из глаз брызжут слёзы, а рот наполнился кислой горечью. Молодая женщина, обессилив, рухнула на коврик рядом с унитазом и заплакала. Она плакала долго, горько, без слёз, только из её груди вырывались сдавленные рыдания, завершающиеся каким-то нарастающим клокотанием. Господи Боже, да у неё самая настоящая истерика!

Сначала все эти мерзкие события, потом кошмары, которые изводят её по ночам, а теперь ещё и истерика. Кто бы мог подумать, хотя, что тут можно подумать, когда вся её жизнь пошла наперекосяк, будто чья-то невидимая рука взяла да и смахнула стеклянную вазу со стола.

Продолжая сидеть на коврике возле унитаза, Светлана подняла глаза на уровень ванны и долго смотрела на неё.

Неделю назад, 8 декабря погода была на

редкость мерзкая, с неба, которое напоминало тяжёлое свинцовое одеяло, сыпал мелкий колючий, как иголка, мелкий снег, который больно царапал кожу, а падая под ноги, тут же превращался в ледяную кашу. Ветер сбивал с ног прохожих и напоминал нахала на базарной площади. Солнце, казалось, совсем исчезло с неба.

В это утро Светлана несколько припозднилась на работу, так как разболелся зуб и потребовалась срочная помощь стоматолога. Но, едва переступив порог родного кабинета, она услышала дикие крики. Кричал Борисов. И кричал он на Андрея.

— Ты, сукин сын, совсем хочешь уничтожить наш журнал? — голос главного редактора перекрыл даже шум с улицы. — Ты — самый настоящий позор, и я до сих пор удивляюсь, как я мог взять тебя на работу...

Голоса Андрея Светлана не слышала, но через мгновение снова раздался рёв Борисова:

— Ты хоть понимаешь, в какое дело ты нас втянул? Ты понимаешь, чем это грозит и мне, и тебе, и всему нашему журналу? Ах, ну конечно, такие мелочи не интересуют господина журналиста. Тебе бы только писать всякие пасквили, тебя этому научили на твоём предыдущем месте работы.

При этих словах Светлана ворвалась в офис и застал ошеломляющую картину: Борисов, красный как варёный рак, орёт на Андрея, а тот стоит и от

злости скрипит зубами.

— Что здесь происходит? — спросила Света. — Алексей, что произошло? Почему ты на него кричишь?

— А всё потому, моя дорогая, что наш мальчик решил поиграть в собственные игры и рыть прямо-таки глубокую могилу для одного очень влиятельного человека, — срываясь на крик, прогрохотал Алексей. — Но он плохо рассчитал свои силы, ему не всё удалось, но зато вся наша редакция в дерьме. Поздравляю!

— Не надо паниковать раньше времени, — еле сдерживая себя, пробормотал Андрей. — И, вообще, Алексей Петрович, разве не вы постоянно корчите из себя крутого мужика, у которого стальные яйца, которому сам чёрт не брат? Вы же всегда повторяли нам: не надо бояться власть имущих...

— Я действительно считаю, что не надо бояться переворошить грязное бельё, — выплёвывал каждое слово Борисов. — Но это не значит, что надо класть голову в пасть льву. Не могу понять, Градский, чего ты добиваешься? По-твоему, каждый журналист — это потенциальный самоубийца? Да будет тебе известно, — уже тише, но с всё той же шипящей интонацией сказал он, — что мне уже звонил отец твоего клиента и очень доступно изложил мне, что

сделает и со мной, и с тобой, если ты вздумаешь его шантажировать.

— Я? Шантажировать этого хрена? — возмутился Андрей. — Вы знаете, что я собираюсь всего лишь сделать классенький горяченький материал, и все виновные понесут наказание.

— А нам вручат ордена. Посмертно. Нет, это какое-то мальчишество. Я не знаю, вздумал ли ты играть в героя-одиночку, или потрясти деньги из источника, как твой предшественник, хрен тебя знает. Знаю только одно, — и главный редактор вперил ненавидящий взгляд на раскрасневшегося Андрея. — Тебе не место в моей газете. Можешь возвращаться в свой «Жёлтый листок», там тебе самое место. Если бы не Светка, я бы тебя никогда бы не взял. Гнилой ты малый, без тормозов. Может, где-то это и надо, но только не в «Полити».

— Давай, Лёха, оскорбляй меня, — выкрикнул Градский.

Светлана почувствовала, что сейчас произойдёт что-то страшное.

— Андрей, прекрати, — сделала попытку она, но было уже поздно.

— Ведь ты мне до сих пор не можешь простить, что я сплю со Светланой, — продолжал всё более распалявшийся Градский. — Я помню, какой у тебя видок был на свадьбе, словно тебе яйца откручивали. Даже твоя соска-манекенщица

тебе не скрасила жизнь. И всё это время, ты, подонок, подкапывался под меня, но тебе не за что было ухватиться, а теперь, когда я собираюсь сделать стопроцентный материал, который поднимет рейтинг твоего издания, ты выдумал небылицы про крутые разборки. Может, ты чего-то и боишься, а я нет.

— Если за себя не боишься, то подумай, что станет со Светой, когда тебя покромсают где-нибудь на мясобоине, — неторопливо, спокойно заметил главный редактор.

— Уж кто-кто, а ты сможешь утешить мою жену, привычным способом — в койке. Ты у нас мастак по этой части, да? И не хрена делать вид, что что-то собой представляешь, ты всего лишь делаешь политический заказ своего папаша...

— Может, и так. Однако меня ни одна баба не запикивала на работу и не просила издателей, чтобы напечатали мою туфту, — с ухмылкой заметил Борисов. — А вот у тебя в этом деле пока не слишком хорошо получается: вперёд тебя Светка подталкивает. Спина ещё не болит?

Лицо Андрея пошло красными, почти пурпурными пятнами. Светлана бросилась было к нему, но муж оттолкнул её. Глаза Андрея горели зелёным огнём, и если бы взглядом можно было бы убить, то от главного редактора осталась только кусочка мяса. Суркова думала, что ещё мгновение,

и муж бросится на шефа, но молодой человек только ещё сильнее вспыхнул и молча вышел быстрым шагом из офиса. Светлана хотела догнать его, но Алексей схватил её за руку.

— Не догоняй, обойдётся, — скорее устало, чем рассержено произнёс Борисов. — Ты слышала, что твой муженёк сказал обо мне?

— Зачем... зачем ты сказал, что это я помогаю ему во всём, — дрожащим голосом спросила Суркова. — Он ведь... не простит мне этого, понимаешь. Он гордый.

— Брось хренью маяться, — прикрикнул на неё Алексей, — у меня скоро из-за вас язва начнётся. Сами разбирайтесь в своей семейной жизни, меня не трогайте. Одно я могу сказать тебе наверняка: твой муж здесь работать не будет, он ставит под удар всё. А я не могу этого допустить. Свет, ну хватит тебе, на тебе лица нет, — и он приблизил её к себе. — Не дури, всё будет хорошо.

— Андрей мой муж, и я всегда буду на его стороне...

— Пожалуйста! Но не здесь. Здесь всё решаю я, Света, так было с самого начала. Я никому не позволяю зарываться, иначе мой бизнес давно бы полетел к чертям собачьим. А Градский... он влез туда, куда действительно не следует лезть, в этом уж ты можешь мне поверить.

Света оттолкнула шефа от себя и внимательно

посмотрела на него.

— Мне кажется, Андрюша прав, ты действительно ему мстишь за меня. И потому рассказал ему, что я помогала ему в работе. Ты ведь знал, что это его заденет.

— Знал, — тихо сказал Алексей после недолгой паузы, — но ты сама видела, как он меня разозлил... Эх, дурёха, не того ты мужика себе выбрала.

— Я выбрала его, — отрезала Суркова. — А тебе я сказала уже давно, что между нами не может быть ничего... такого. И не дыши на меня.

Главный редактор устало покачал головой.

— Я всего лишь хотел быть тебе другом...

— Ты сейчас поступил хуже любого недруга.

— Может, хватит тут европарламент с дебатами разводить? — выкрикнул Борисов. — Ты-то ещё пока здесь работаешь, а потому иди и пиши.

Светлана вздохнула и пошла к себе в офис. По дороге она судорожно искала в кармане брюк телефон, но нашла его только уже в офисе. Так, дверь поплотнее закрыть, а то сбежится вся журналистская братия, они охочи до всяких скандалов — нечего говорить, хорошая издержка профессии.

Прежде, чем позвонить Андрею, необходимо успокоится. Нельзя, чтобы он почувствовал дрожь в